

НОВАЯ НАДПИСЬ В ЧЕСТЬ АХИЛЛА ПОНТАРХА

В 1937 г. значительное собрание посвяtitельных надписей в честь Ахилла Понтарха в Одесском государственном археологическом музее пополнилось еще одним памятником прекрасной сохранности. Это — мраморная плита высотой 64, шириною 23 и толщиной 20 см. Найдена она была в селе Малый Бейкуш (2,5 км западнее Очакова) при рытье канав для изгороди. В музее плита была передана областной инспекцией по охране памятников. (рис. 1)

Греческая надпись расположена на одной стороне плиты столбцом из 14 строк (средняя высота букв — 18 мм). Она переводится следующим образом:

'Αγαθῇ τύχῃ	В добрый час,
'Αχιλλεῖ Πον-	Ахиллу. Пон-
τάρχῃ οἴπερ[ι]	тарху (те), кто при
Δαδᾶν Πει-	Даде, (сыне) Пи-
5 σιστράτου	5 сестрата,
τὸ γ' ἄρχοντες	в 3-й раз (архонтствующем), архонты:
'Αμώσπαδος	Амоспад,
'Αχιλλέος Στρά-	(сын) Ахилла, Стра-
των 'Αχιλλέος	тон, (сын) Ахилла,
10 Διονυσιοδώ-	10 Дионисодо-
ρος Ἐρωτος	р, (сын) Эроты,
Σκάρτανος	Скартан (сын),
'Αζιάϊου χαρι-	Азияя, благодар-
στῆριον	ственное приношение (посвя-
	тили).

Как видим, рассматриваемая надпись была поставлена высшей из правительственных коллегий города Ольвии — коллегией ежегодно сменявшихся архонтов

в составе пяти лиц; сюда входил и председатель коллегии, именем которого обозначались и сама коллегия и год, когда они правили Ольвией. Заслуживает внимания, что до сих пор не встречена надпись этих ольвийских магистратов, которая была бы посвящена какому-либо иному богу, кроме Ахилла Понтарха—владыки Черного моря. Наша надпись является шестым из известных до сих пор посвящений ольвийских архонтов Ахиллу Понтарху¹. Три из них принадлежат Одесскому музею.

Весьма показателен тот факт, что все указанные надписи происходят из одного довольно тесного района: с острова Березани (№ 131) или с противоположащего берега материка, в частности из окрестностей Тузлы на западном берегу (№№ 130 и 134), или из Бейкуша на восточном побережье (№№ 132—133, и публикуемая надпись).

Кроме архонтов, посвящения Ахиллу Понтарху приносились и другими ольвийскими коллегиями должностных лиц, прежде всего коллегией стратегов. Хотя последние находились под специальным покровительством Аполлона Заступника (Προστάτης), все же и они воздвигали посвящительные надписи Ахиллу Понтарху. Нам известны четыре такие надписи (там же, №№ 135—138), из которых две первые были найдены на Березани в 1905 и 1907 гг. Э. Р. Штерном, третья была обнаружена, по свидетельству Н. Н. Мурзакевича, в 1833 г. близ Очакова (может быть, из того же Бейкуша), а последняя надпись, по свидетельству Н. Н. Мурзакевича,— недалеко от устья Тилигульского лимана, близ села Троицкого (Коблево) в 1836 г. Все эти надписи принадлежат Одесскому музею.

Кроме того, известны еще восемь посвящений тому же Ахиллу Понтарху ольвийских жрецов (там же, №№ 139—146, включая фрагменты). Кроме первой из них, с неясным паспортом из коллекции Потоцкого, остальные по местам своего нахождения группируются таким образом: две (№ 143 и 145) из того же Бейкуша, одна (№ 146) из соседней Викторовки, по другую сторону Березанского лимана, одна (№ 144) с Карабашского лимана, находящегося между Тилигульским и Березанским лиманами, одна из Ольвии (№ 141), одна из Коблева (Троицкого) близ устья Тилигульского лимана (№ 142) и, наконец, одна в 1909 г. была найдена в самой Одессе на Молдаванке при постройке дома (№ 140). Надписи эти посвящались жрецами либо по окончании срока их жреческих обязанностей (ιερατείας, №№ 139, 140, 142), либо в ходе исполнения таковых (ιερατεων, №№ 141, 144); особенно интересно, что одна надпись (№ 143) посвящена Ахиллу жрецом главного Ольвийского божества, может быть, древнего догреческого бога Ольвии—Зевса Ольвия ("Ὀλβιος), который в другом документе (№ 42) характеризуется как «стоящий во главе нашего города бог...» (προστώς τῆς πόλεως ἡμῶν θεός).

Таким образом, из 18 надписей в честь Ахилла Понтарха, за исключением одной жреческой надписи с сомнительным паспортом, все шесть надписей архонтов, три из четырех надписей стратегов, три из семи жреческих, всего 12 надписей, по месту своего нахождения локализуются или на самом острове Березани или в непосредственном с ним соседстве по другую сторону пролива, отделяющего его от материка. Лишь пять надписей найдены в других местах, а именно: две при устье Тилигульского лимана, одна — Карабашского, одна — в самой Ольвии, без уверенности в правильности этого паспорта, и одна в Одессе, причем и здесь возникает большое сомнение, попала ли она сюда действительно еще в древние времена.

После исследований В. В. Латышева считается общепризнанным, что все без исключения известные ольвийские посвящительные надписи затронутых нами категорий относятся к I—III вв. н. э., главным образом ко II — началу III вв. н. э.

Основанием для более или менее уточненной датировки публикуемой нами надписи может быть, во-первых, принятое в ней начертание букв греческого алфавита, по сравнению с известными уже в науке надписями, и, во-вторых, наличие в ней упоминаний лиц, известных из других, ранее опубликованных надписей.

¹ IOSPE, I², №№ 130—134. Все упоминаемые ниже ольвийские надписи указаны по этому тому IOSPE.

Начертание букв нового памятника характеризуется следующим. Подавляющее большинство букв снабжено апексами. α всюду отличается ломаной переключиной с острым почти прямым, а иногда и тупым углом, обращенным вниз. Такие же углы отмечаются и внутри M и ломаной Σ . В H переключина представлена в виде ко-

Рис. 1. Новое посвящение Ахиллу Понтарху

ротенькой горизонтальной черточкой, обрамленной на обоих концах маленькими вертикальными черточками; O и \Theta — круглые. Отметим, что буквы имеют небольшой наклон назад. Из надписей, изданных в *IOSPE*, I², в фоторепродукции более всего приближается к начертаниям букв нашей надписи № 141, представляющая собою благодарственное приношение Ахиллу Понтарху жреца Каскена сына Касагова, а из надписей, изданных там же в виде апографов, публикуемое посвящение более всего похоже на посвятельную надпись № 99.

Что касается орфографии текста, то здесь следует отметить отсутствие приписки ноты в *dat. sing.* Сопоставление новой надписи с надписями, в которых встречаются

упоминаемые в ней должностные лица, а именно Амос(с)пад, сын Ахилла (№ 105), Дионисодор, сын Эрота (№№ 132 и 176), и, наконец, Скартан, сын Азиев (№ 142), показывает, что их можно разбить на две группы: более тщательно, парадно выполненных надписей (№№ 105 и 176) и надписей попроще, хотя и достаточно аккуратных поваа надпись и №№ 132 и 142). Первая из этих групп характеризуется наличием приписной иоты в dat. sing. и наличием горизонтальных перекладин в Η и Θ, чего нет в остальных.

Нетрудно установить термин *ante quem* для нашей надписи. Это — время распространения угловатого резкого стиля начертаний букв, для которого наиболее характерны резкие угловатые Ο и Ω и перечеркнутое Ψ, происходящего при Септимии Севере и в последующее время (№ 199).

Не углубляясь здесь в детали, мы можем считать, что все надписи с начертанием букв, аналогичным нашему тексту, относятся к царствованиям римских императоров Антонина Пия (138—161) и Марка Аврелия (161—180). Это сорокалетие можно бы быть расширено и до шестидесятилетия, распространяясь скорее в сторону Адриана (117—138), чем Коммода (176—192).

*

Публикуемая надпись, являясь благодарственным приношением, *χαριστήριον*, коллегии ольвийских архонтов, не указывает, как в других надписях этого рода (№№ 133, 134 и, возможно, 131), за что именно в данном случае приносят благодарность архонты.

В собственных именах архонтов данного состава обращает на себя форма асс. sing. архонта-эпонима Δαδῖν по 1-му склонению вместо обычных в ольвийских надписях для этого имени форм 2-го склонения Δαδῶν. Эта неустойчивость в способе греческой передачи данного местного имени не может быть приписана простой ошибке резчика, а отражает, повидимому, особенности местной негреческой речи. В отличие от В. В. Латышева, мы ставим ударение в этом имени не на основе, а на окончании.

Имя Дад, или Дада принадлежит, судя по известным до сих пор ольвийским надписям¹, местному роду, одному из наиболее знаменитых и богатых в Ольвии II—III вв. н. э. Из поколения в поколение члены этого рода занимали в городе почетнейшее положение и не раз удостоивались от сограждан высших почестей. Чередуется в этом роду имя Дада с греческими именами Сатир, Сосибий, Галлисифен. Род характеризуется в надписях происхождением от славных предков (*προγόνων ἐπισημίων*), которые лично известны были даже римским императорам (*σεβαστογνώστον*). Особенно ярко обрисовывается положение этого рода надписью в честь одного мальчика, παῖς, — Дада, сына Тумбага. Смерть его послужила поводом к тому, чтобы народ и совет Ольвии почтили этого умершего мальчика из богатой, знатной и влиятельной семьи, о котором можно было сказать только то, что он «подавал добрые надежды», увенчанием золотым венком. В его память была установлена на самом видном месте города мраморная плита с вырезанным на ней соответствующим постановлением.

Поме этих Дадов, из тех же ольвийских надписей мы знаем еще и усложненную форму этого имени в виде Дадак (Δαδακός), или Дадаг (Δαδαγός) (№№ 84, 88, 137, 139). Эти и подобные им имена с окончаниями на -ακος и на -αγος, по мнению И. А. Джавахишвили², составляют весьма значительную группу среди 258 имен негреческого и неиранского происхождения из греческих надписей Северного Причерноморья и сближаются им с современными адыгейскими собственными именами на -око и -уко.

¹ №№ 42, 43, 52, 91, 110, 133, 149, 174, 200, 203 и 281.

² И. А. Джавахишвили, Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, ВДИ, 1939, № 4, стр. 30 сл.

Данное имя имеет, однако, и иранистическое толкование, будучи сопоставляемо с современным осетинским *dædtæg* — «дающий, щедрый»¹.

К сожалению, само имя Дада или Дад, от которого, через прибавление к нему суффикса -ак (вариант-аг), образовано имя Дад-ак, не получило своего объяснения ни у И. А. Джавахишвили, ни у В. И. Абаева. Такие окончания возможны не только в коренных кавказских и в иранских языках, но также в армянском, славянских и тюркских языках. Вот почему вопрос о толковании популярного в Ольвии II—III вв. н. э. имени Дад или Дада, как и производного от него Дадак (Дадаг), все же остается еще открытым.

Имя Дады в сочетании с его отчеством (сын Писистрата) в ольвийских надписях встречается впервые.

Следующее имя Амоспада, сына Ахилла, встречалось уже в посвянительной надписи (№ 105) ольвийских стратегов в честь Аполлона Простата, с той только разницей, что там это имя писалось через одну сигму. Оно же восстанавливается в обломке посвянительной надписи ольвийских стратегов в честь того же бога (№ 267), найденном Б. В. Фармаковским при раскопках Ольвии в 1902 г. Возможно, что удвоение сигмы в этом имени в новой надписи является результатом простой оплошности резчика, тем более что, как мы видели, из двух категорий одновременных надписей наша не принадлежит к разряду наиболее тщательно выполненных. Само имя Амоспад находит себе вполне удовлетворительное иранистическое объяснение из ама — «сильный, могучий» и *spada* — «войско», т. е. «имеющий мощное войско», хотя аналогий к нему в современном осетинском языке не сохранилось².

Следующим из коллегии архонтов назван Стратон, сын Ахилла. Довольно популярное в Ольвии имя Стратона (№№ 96, 131, 314 и 229) до сих пор в сочетании с этим отчеством не встречалось.

Имя следующего за ним архонта Дионисодора, сына Эрота, уже дважды встречалось в списках ольвийских архонтов, причем оба раза на том же предпоследнем месте, на каком мы его находим в публикуемой нами надписи (№№ 132 и 176). Первая из этих надписей является простым посвящением коллегии архонтов во главе с Гикесием, сыном Мэака³, в честь Ахилла Понтарха. Вторая надпись с именем Дионисодора, сына Эрота, свидетельствует о том, что архонты того года при участии Дионисодора починили на свой собственный счет какую-то *προσευχη*, т. е. «моленную». Данный термин до того не встречался в применении к «языческим» местам культа, зато применялся по отношению к еврейским молитвенным домам. Это обстоятельство послужило в свое время поводом к длительной дискуссии, прекратившейся только после опубликования надписей, в которых идет речь о «языческих» богах Зевсе, Гее и Гелии (IOSPE, II, 400), причем имена этих богов приводятся в порядке призыва их в свидетели и охранители дарованной рабам свободы. Это заставило окончательно отказаться от мнения Стефани о будто бы имевшем место в Ольвии ремонте ольвийскими магистратами за свой счет еврейской моленной (IOSPE, II, 54).

Имя замыкающего публикуемый список Скартана, сына Азиэя, также известно из посвянительной надписи (№ 142) в честь Ахилла Понтарха и матери его Фетиды. Посвящение было сделано Скартаном по отбытии им своих жреческих функций. Отчество Скартана также принадлежит к группе имен, на сближение которых с адыгейским указывает И. А. Джавахишвили, так как рядом с Ἀζιᾶτος встречается и производное от него Ἀζιᾶτος . Нам представляется вполне возможным признание обеих форм диалектными вариантами одного и того же имени. По иранистическому толкованию оно связывается с *batya* — «правдивый, истинный» и сопоставляется В. И. Абаевым (ук. соч. стр. 168) с осетинским *сæсæг*.

¹ В. И. Абаев, Осетинский язык, М.—Л., 1949, стр. 161.

² В. И. Абаев, ук. соч., стр. 153 и 182.

³ Имя Μακῆος допускает, на наш взгляд, сопоставление с древнеиранским *maua* — «искусство, ловкость» и означало бы тогда в переводе «искусник». Ср. В. И. Абаев, ук. соч., стр. 153.

Дважды повторяющееся в списке архонтов новой надписи отчество «сын Ахилла» является красноречивым подтверждением свидетельства Диона Хрисостома в его «Борисфенитской речи» об особом почитании в Ольвии Ахилла. Также очень интересно, что исполнявший жреческие функции Скартан, сын Азия, имеет местное, а не греческое имя и отчество.

Надписи на греческом языке, которые водружались должностными лицами Ольвии I—III вв. н. э. главным образом на берегах пролива, отделяющего остров Березань от материка (12 из 17), являются в разных отношениях интереснейшими документами взаимовлияния пришлого греческого населения и коренного местного и требуют углубленного исследования. Многие должностные лица имеют негреческие имена. Носители этих имен местного происхождения, и их семьи приобретают огромное влияние в жизни Ольвии. Культы ольвийцев претерпевают глубокие изменения. Греки усваивают здесь почитание местных богов, правда, называя их именами своих богов или героев, уловив у них или созвучия в именах или сходство в функциях. При исследовании скудного речевого наследия древнего Причерноморья, конечно, надо учитывать не только бесспорные для II—III вв. н. э. и обильные иранизмы, вызванные широким распространением с IV в. до н. э. и в позднейшие века сармато-аланской волны по всему Северному Причерноморью, но и более глубокие связи населения Причерноморья этих времен с коренным неиранским населением обширных территорий от Карпат и Дуная до Дона и Приазовья.

М. Ф. Болтенко